

роинь, в которой отчетливо звучал совр. сленг. Главной в трилогии стала традиционная для В. проблема нравственного выбора. Пьесы были отмечены новыми стилистическими поисками, рассчитанными на совр. театр,— фантазия, импровизация, пластика, пантомима и т.д.

В середине 1970-х В. пишет киносценарии «Смятение чувств» и «Дочки-матери», а в 1979 появляется знаменитый кинофильм «Осенний марафон» (реж. Г. Данелия), получивший мировую известность и заслуживший множество наград (главный приз XIII Всесоюзного кинофестиваля в Душанбе, «Золотую раковину» Международного фестиваля в Сан-Себастьяно, главную премию фестиваля комедийных фильмов в ФРГ и др.). Около 30 стран приобрели фильм для зарубежного проката. В то же время «Осенний марафон» вызвал не менее острую дискуссию, чем «Фабричная девчонка», правда, с менее резкими формулировками: положительный или отрицательный герой Бузыкин?.. В. же оставался верен себе — продолжил начатое еще в рассказе «Пятнадцать лет жизни» исследование проблемы времени не в социально-политическом и историческом, а в нравственном плане: время, отпущенное человеку на дистанцию «рождение-смерть», как человек им распоряжается? Как реализуется его личность в жизненном марафоне? И в чем вообще предназначение человека на Земле?

Почти одновременно с «Осенним марафоном» становится известным обращение В. к гриновско-шагаловской теме «летающих людей». Пьеса «Блондинка (киноповесть с одним антрактом)», поставленная в БДТ им. М. Горького в 1984, посвящена, пользуясь названием одной из «одноактовок» В., «всем нашим комплексам повседневности». Но начинается она символической сценой в некоей студии, где люди... учатся летать. Вот, оказывается, какие физические и духовные возможности даны человеку, а он и не подозревает о них в своем прозаическом быту и застойном конформизме! При этом открытый «высокий пафос» для В. абсолютно неприемлем — писатель «корректирует» его самыми различными эффектами комического.

Критика советских лет обычно упрекала В. в «мелкотемье» и «пессимизме». В последние годы, наоборот, подчеркивается, что В. открыл новые пласты жизни, демократизировал героев, вскрыл острый социальный конфликт между свободой личности и обществ. стереотипами, встающими на пути

ее самоосуществления. Он соединил углубленное размышление о вечных ценностях человеческого бытия с самым пристальным вниманием к повседневной будничной жизни людей с ее глубинным драматизмом. В. использует опыт драматургии XX в. с ее многообразием средств худож. выразительности. Не случайно его пьесы привлекали внимание таких реж., как О. Ефремов, Г. Товстоногов, Б. Львов-Анохин, А. Эфрос и др. Творчество В. очень современно и даже злободневно, но в нем одновременно присутствует большой запас «долгосрочных гуманистических идей» (Ланина Т.— С. 284).

Соч.: Рассказы. Л., 1954; Пьесы и сценарии: Для театра и кино. М., 1967; Портрет с дождем. Л., 1980; Осенний марафон. Л., 1985; Стихотворения: День поэзии. Л., 1968; День поэзии. Л., 1969; День поэзии Ленинграда. Л., 1988; Петрополь: альм. Л., 1990. Т. 1, 2; СПб., 1992. Т. 4; Монологи: книга стихотворений. СПб., 1995; Статьи и рецензии: Тот, который не стрелял // Высокский В. С. Я, конечно, вернусь. Стихи и песни. М., 1988; Шутя, играя... // Никита Михалков. М., 1989; Раздражающий персонаж // Московские новости. 1988. 10 янв.; Так неспокойно на душе: Записки с отступлениями. СПб., 1993; Я чувствую себя человеком из очереди. [Последнее интервью] // Лит. газ. 2002. 16–22 янв. С. 5.

Лит.: Ланина Т. Александр Володин: очерк жизни и творчества. Л., 1989; Демидов А. Заметки о драматургии А. Володина // Театр. 1974. № 3; Соловьева И. Рука дающего // Театр. 1985. № 2; Ратобильская Т. Характеры и положения: драматургия А. Володина 70–80-х годов // Мир совр. драмы: сб. Л., 1985; Романтик театра // Советский театр. 1987. № 3; Рассадин Ст. Стыдно быть несчастливом, или Непонятный Володин // Театральная жизнь. 1989. № 1; Кириллова Т. Объяснение в любви: презентация первой книги стихов Александра Володина: «Монологи» // Невское время. 1995. 28 июня.

К. Ф. Бикбулатова

ВОЛОСТНОВ Михаил Николаевич [17.10. 1955, д. Шестая речка, Татарская АССР — 24.7.2001, Набережные Челны] — прозаик.

Родился в многодетной семье: мать воспитывала семерых детей. Отец — фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны, «первый грамотей на деревне», по выражению писателя. Окончив среднюю школу (1972) и радиотехническое училище в Казани, работал радиомехаником на часовом заводе в Чистополе, с 1979 — на КамАЗе в Набережных Челнах, там же инженером-радиотом во дворце культуры «Энергетик». Был участником лит. объединения «Орфей» при городской писательской организации, публи-

ковался в местных газ. и ж. «Армак». Не поступив в 1983 в Лит. ин-т им. Горького, оставил мысль о высшем гуманитарном образовании, но не о творчестве. Первое крупное соч. писателя-самоучки **«Несусветное в Поганочках»** (1987–92, опублик. 1995) принесло известность В., он был приглашен стать слушателем Высших лит. курсов при Лит. ин-те в Москве; в 1996 принят в СП России. В том же году молодой автор стал лауреатом международной лит. премии «Москва–Пенне» в номинации «Новое имя в лит-ре». По окончании ВЛК в 1997 вернулся в Набережные Челны, зарабатывал на жизнь ремонтом бытовой техники, продолжал писать. Отд. рассказы публиковались в «Лит. России», «Роман-газ.», в ж. «Москва», «Лит. учеба». В 1999 посетил Валдай, где решил в дальнейшем обосноваться. Замыслу этому не дано было осуществиться: В. трагически погиб в июле 2001, во время поездки к родственникам в Татарстан.

По словам писателя, сочинял он столько, сколько себя помнил, худож. мастерству учился более всего у русских народных сказок, затем у отечественной лит-ры, начиная с протопопы Аввакума. Особое место отводил творчеству Н. В. Гоголя, из современников выделял В. Шукшина, Ю. Казакова, В. Белова, Ф. Абрамова, А. Кима. В. признавался своеобразным творческим соперничеством с Г.-Г. Маркесом. Личность писателя В. в значительной степени определена и его общением с духовной лит-рой.

Первый роман В. «Несусветное в Поганочках» (напечатан малым тиражом в казанском частном изд-ве в 1995), жанр которого автором обозначен как «философия русского фольклора», критика назвала встречей с новым словом (Переяслов Н. Жизнь журналов). Н. Переяслов высоко оценил своеобразный «фольклорный» стиль писателя, отнес его произведение к «мистической ветви» российской прозы, представленной соч. В. Одоевского, Н. Гоголя, Ф. Сологуба, С. Клычкова. Роман последнего «Чертухинский балакирь» особенно близок поэтике В. (Переяслов Н. Инфернальные акценты российской прозы). Сам В., говоря о своем творчестве, не был склонен к определению «мистическое», настаивал на понятии «несусветное», под которым подразумевал расхожие фольклорные сюжеты о колдунах, ворожеях, потаенных местах, волшебных камнях («В какой-то момент мы с книгами поменялись ролями...»). С. 4). Народные легенды, былички, предания и поверья «скрещены» в прозе В. с реалистической канвой. Небыль не отделе-

на границей от были, поскольку является реальной частью жизни в сознании простого народа — главного действующего лица романов и рассказов В. Фольклорная стихия, обращенная к основам человеческой жизни: интересам рода, семьи,— мифологизирует изображаемую действительность, выводит ее из сферы обыденного, случайного, делает знаковой, метафоричной. Обнаруживая связь в типологии героев, повествовательной манере (обращение к сказовым формам, вставным притчам и легендам) с классической мифопоэтической традицией и «деревенской прозой», В. черпает материал не столько из литературных, сколько из собственных источников: истории, услышанные в Степановке, образ этой деревни и ее обитателей служат писателю прототипами. Например, прототипом «Поганочек» послужило местечко Поляночки.

Так же и с городом Авсень, который предполагается при д. Матрешки,— топос, определивший заглавие, пространство и сюжетно-композиционное построение др. эпического произведения В.— романа **«Авсень при Матрешках»** (Роман-ж. XXI век. 2001. № 5). Автор подчеркивает: не деревня при городе, а город при деревне, «ибо в деревне то и происходит что-то настоящее, вечное и... таинственное» («В какой-то момент мы с книгами поменялись ролями...»). С. 4). Противостояние цивилизации, накладывающей темный отпечаток на человеческую душу, и природного, полного чудес, поэзии, целительной силы космоса, включенное в более широкую парадигму «смерть и бессмертие», составляет идейно-тематический центр романа, как и в большинстве произведений В. Действие начинается в послевоенное время: в 1955 молодой солдат Павел Звонарев, отслуживший в армии, возвращается в родную д. Матрешки к своей невесте Тане. Путь Павла лежит через г. Авсень, где ему суждено откопать из могилы заживо похороненную красавицу Фросю, которая станет его женой и приобщит к городской жизни. Путешествующий солдат, мертвая царевна, свадьба, приворотное зелье, искание клада в ночь на Ивана-Травника, змейка с венцом на голове — вполне узнаваемые сказочные персонажи и атрибуты, которые соседствуют в романе с такими реалиями, как засекреченный завод в Авсене, куда поступает на работу Павел, партийные собрания, увлечение молодежи магнитолой. В последних, «современных» главах, возникают уголовный мафиозный мир, оружие массового уничтожения, ученые-генетики, создающие нового голема-клона. Вместе

с тем нарастает апокалиптическая тема, предстающая у В. в духе язычески-христианского народного видения.

Содержание произведения организовано пространственно-смысловой оппозицией. Город Авсень — место, где совершается техническая революция с ее жертвами, «разрушением земли и духа семьи». Воплощает эту идею в романе директор завода Ирен Давыдович Абрамов, который мечтает воздвигнуть над Авсением стеклянный колпак и оградить тем самым город будущего от неподвластных человеческому разуму проявлений стихии. Это утопическое намерение, напоминающее хрустальные дворцы Чернышевского, обретает символическое звучание в свете того, что Авсень в восточнославянской мифологии — ритуальный персонаж, персонифицирующий начало года, весенний солнечный цикл и приумножение плодов земных. Призыв «Авсень!» (как и «Коляда!») используется в заклочках, обращенных к благодатным силам природы, от которых хочет отъединить людей Ирен Давыдович. В противоположность этому уклад жизни в деревне Матрешки сохраняет (правда, уже не такую прочную) связь с древними традициями предков. Хранитель вековых ценностей в романе, пчельник Онисим Ворохов угощает мужиков медовой и делится заповедями своего деда. Эти «беседы» — вставные притчи в романе, со своим особым афористичным языком, просторечиями и глубинной народной мудростью: «Гляди, Ониська, на Самобранный Угор, как вырастешь, зря не ходи, не зарься, своим трудом живи, а то и рассудка-то лишишься <...> В Предсказании сказано, что придет время и осудит Самобранный Угор, и, придет время, будет он в пламени палимом, и, придет время, будет на месте Угора ямище-болотище смрадное...» («Авсень при Матрешках». С. 16). Здесь речь идет об утраченном земном рае, когда Самобранный Угор питал всякого пришедшего к нему. Но возникли в народе зависть, жадность, соперничество, стали люди истреблять друг друга, и исчезло волшебство. Даровое богатство, обернувшееся нечистой силой, соблазняет человека, разрушает его дом, губит его бессмертную душу.

Белый дом, он же Кремль и Собор Един Православный, техника, ракеты и пришествие апокалиптических всадников — все это причудливо складывается у Онисима в единую картину мира, но не закрывает от него главной правды о собственном месте и значении в этом мире: «...а мужик как копал

огород лопатой сто лет тому назад, так и до сих пор копает и еще сто лет вперед будет копать» (Там же. С. 12). Таким образом, не на трех китах и не техническом прогрессе земля держится, а на сельском труженике и его лошаденке. Ту же идею, но иным языком высказывает поп Захарий: с гибелью аграрной России может погибнуть и весь мир.

Защитой от «злыдней поганых» служит у В. Живое Слово. Истинное и нетленное, хранится оно в изустных молитве, песне, заговоре, как душистый мед в сотах. Другое спасительное начало в худож. мире писателя — любовь. Даже неразделенная, она дает человеку силу, единит его с природой. Тема любви у В. неизменно получает поэтическое воплощение. Оставленная женихом Таня в романе «Авсень при Матрешках» является взгляду случайных прохожих дивной красоты русалкой, плещущей в серебряной ряби реки. Стиль ее причитаний сродни плачу Ярославны, с характерными для фольклора синтаксическим параллелизмом, устойчивыми эпитетами, обращением к небесным силам. Лиризм пронизана сцена любовного свидания Павла и Фроси: «Мир был живой, в чувствах, в волнении», героине кажется, что «голова кружится» не у нее, «а у самой вселенной». Писатель активно вводит в повествование поэтические приемы, что заставляет говорить об особом типе его прозы. Автор отчасти сам дал ответ на этот вопрос, сказав, что не может сделать выбор между «скрипкой-поэзией» и «гоголевской симфонией», поскольку для него «настоящая проза — это тоже поэзия» («Я не стыжусь, что почти ничего не читаю». С. 8).

Проблематика и поэтика романов имеет продолжение в малой прозе В. К теме утраты человеком своего Дома (сквозной в лит-ре XX в.) писатель обращается не только в «Авсене при Матрешках». «Что ни дом — следы саморазрушения», — пишет В. Румянцев о рассказе «**Кумажа**». Героев манят «не рассыпными миллионами, а крошечными суммами, на которые разве что хлеба купишь. Но и такой соблазн опасен русской душе». (Румянцев В. — С. 90). Разрушительно для русского Дома, хранимого добрым Духом, и столкновение с совр. наукой, неразумно стремящейся все подвергнуть логическому анализу — об этом рассказ «**И тут оставайся, и с нами пойдем...**».

Произведения В. называют сентиментально-романтическими. У В., безусловно, присутствует идеализация простой деревенской жизни, незамысловатой любви-привязанности, как в рассказе «**Илья Лукич**

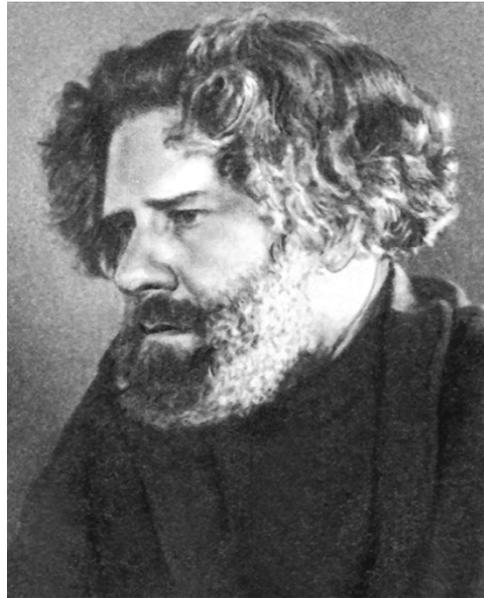
и **Марья Карповна**» (1996), написанном в духе гоголевских «Старосветских помещиков». При этом В. заговорил о новой, неизвестной лит-ре XIX в. и не столь очевидной даже в «деревенской» прозе минувшего столетия проблеме — о «предкатастрофических перекрестках всех без исключения столиц» («Шведский овес и валдайская Майка». С. 130). В лирико-философской миниатюре «**На все четыре стороны**» (1998) состояние мира уподоблено прованной плотине. Героя-повествователя интересует не сама трагедия, а ее последствия: что будет, когда вода схлынет, куда нас вынесет — вечный неразрешимый вопрос на Руси.

Критика, не высказавшая на данный момент определенного мнения относительно того, к какому жанру следует причислить произведение В. (рассказы или сказки), едина в приятии творчества талантливого автора, безвременно ушедшего из жизни. Небольшое по объему наследие В., которое еще предстоит собрать и опубликовать, занимает свое особое место в лит. процессе конца XX — начала XXI вв.

Соч.: Несусветное в Поганочках (по мотивам деревенских побасенок): роман. Казань. 1995; Илья Лукич и Марья Карповна: рассказ // Лит. Россия. 1996. 22 нояб. № 47; На все четыре стороны: рассказ // Лит. учеба. 1998. Кн. 3; И тут оставайся, и с нами пойдём...: рассказ // Москва. 2000. № 11; Я нарисую твой портрет: рассказ // Московский железнодорожник. 2001. № 8; Авсень при Матрешках: роман // Роман-ж. XXI век. 2001. № 5; Шведский овес и валдайская Майка: рассказ // Наш современник. М. 2001. № 12; Милава. Кумажа. Байник да Банника. И тут оставайся, и с нами пойдём...: рассказы // «Здравствуй, племя младое, незнакомое...»: Антология рассказов молодых писателей России. М., 2002.

Лит.: Я не стыжусь, что почти ничего не читаю: [Беседа А. Тер-Маркарьяна с писателем М. Волостновым] // Лит. Россия. 1996. № 47. С. 8; Люсий А. Хронотопы нецепного пса. Метаморфозы в рассказе Михаила Волостнова «На все четыре стороны» // Лит. учеба. 1998. Кн. 3. С. 20–21; Столкнулось будущее с прошлым, как с ледоколом самолет... Лит. журналы в ноябре // НГ Ex libris. 2000. 30 нояб.; В какой-то момент мы с книгами поменялись ролями... [Разговор с писателем / беседавала М. Ганичева] // Роман-ж. XXI век. 2001. № 5. С. 4; Переяслов Н. Жизнь журналов // День лит-ры. 2001. № 9; Бавыкин О. Убит на взлете // Лит. Россия. 2001. 27 июля; Переяслов Н. Инфернальные акценты российской прозы: Биографическая справка о писателе; Румянцев В. Прерванная сказка. Михаил Волостнов как рассказчик // «Здравствуй, племя младое, незнакомое...»: Статьи новых русских критиков. М., 2002. С. 90–94.

О. Г. Третьякова

М. А. Волошин

ВОЛОШИН (настоящая фамилия Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович [16(28).5.1877, Киев — 11.8.1932, Коктебель] — поэт.

Отец — Александр Максимович Кириенко-Волошин, служил юристом в чине коллежского советника. Мать — Елена Оттобальдовна, урожденная Глазер. «Кириенко-Волошины — казаки из Запорожья. По материнской линии — немцы, обрусевшие с XVIII века», — указывал В. («Автобиография», 1925. РО ИРЛИ). При более глубоком проникновении в свою родословную он называл себя «продуктом смешанных кровей (немецкой, русской, итало-греческой)» (Воспоминания... С. 40). Отца не помнил: после размолвки с женой тот умер в 1881. С матерью же до конца ее жизни В. поддерживал не только сыновние, но и творческие отношения. Занимаясь в детстве с гувернером, В. заучивал латинские стихи, слушал его рассказы по истории религии, писал сочинения на сложные лит. темы. Обучался затем в гимназиях Москвы и Феодосии. Переезд в Коктебель в 1893, где мать купила дешевый по тому времени участок земли, во многом predetermined творческую судьбу начинающего поэта (его первые стихотворные опыты — 1890, первая публикация — в сб. «Памяти В. К. Виноградова» (Феодосия, 1895). Сразу же запали в душу Макса (так называли В. родные и близкие) историческая насыщенность Киммерии и строгий пейзаж Коктебеля» («Автобиогра-